

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

На правах рукописи

АБДУМАДЖИДОВ Гафур

УДК 343.126:575.1

**ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ,
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

(по материалам Узбекской ССР)

специальность 12.00.09—уголовный процесс;
судоустройство; прокурорский надзор;
криминалистика

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва — 1983

Диссертация выполнена в Ташкентской высшей школе МВД СССР.

Официальные оппоненты:

Быховский И. Е. — доктор юридических наук, профессор.

Ларин А. М. — доктор юридических наук.

Михайлов А. И. — доктор юридических наук, профессор.

Ведущая организация: Саратовский юридический институт им. Д. И. Курского.

Защита состоится « 11 » *сентября* 1983 г. ____ час. на заседании Специализированного совета Д—002.09.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук (специальности: 12.00.01—теория и история государства и права; история политических и правовых учений; 12.00.08—уголовное право и криминология; исправительно-трудовое право; 12.00.09—уголовный процесс; судостроительство; прокурорский надзор; криминалистика) при ордена Трудового Красного Знамени Института государства и права Академии наук СССР по адресу: 119841, Москва, Г-19, ул. Фрунзе, 10.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института государства и права АН СССР.

Автореферат разослан « 23 » *августа* 1983 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета
кандидат юридических наук

Г. Л. Кригер

код экземпляра

30540

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. Советский закон — важное средство демократизации управления обществом, улучшения форм и методов деятельности государственных органов и общественных организаций, устранения встречающихся в их работе недостатков. Сила закона эффективно используется для всемерного выполнения важной задачи, поставленной Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Ю. В. Андроповым: решительнее повести борьбу против нарушений партийной, государственной и трудовой дисциплины[1].

Чем правильнее, полнее учтены и отражены в законе ресурсы и перспективы общественного развития, тем выше его регулирующая, созидательная роль. Сложность и своеобразие диалектики законотворчества заключается в том, что одновременно должны быть обеспечены и прочная стабильность законов, и их динамичность, т. е. своевременно учитываться происходящие в жизни общества преобразования. Поэтому закономерно то большое внимание, которое уделяет Коммунистическая партия дальнейшему совершенствованию советского законодательства.

Огромным политическим событием явилось принятие Конституции СССР— Основного Закона развитого социалистического общества, отразившего коренные социальные завоевания нашего строя, общие принципы деятельности органов государственной власти и управления, основные права и свободы советских граждан. Конституционные новеллы представляют собой значительный шаг в укреплении социалистической законности и прочную основу для дальнейшего развития советского законодательства.

Проделана значительная работа по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство. Эта задача не ограничивается обеспечением текстуального или логического соответствия норм отраслевого законодательства конституционным. Не менее важно определить и использовать возможности конкретизации и развития конституционных норм в отраслевом законодательстве, в частности в Основах уголовного судопроизводства

Союза ССР и союзных республик^[2] и уголовно-процессуальных кодексах союзных республик. Одной из групп уголовно-процессуальных норм, нуждающихся в дальнейшем совершенствовании, являются нормы, регулирующие производство расследования (предварительного следствия и дознания).

Непременным условием выявления необходимости и возможности совершенствования уголовно-процессуального закона в условиях развитого социализма является изучение основных этапов и тенденций развития соответствующих норм.

В. И. Ленин указывал, что «Самое надежное в вопросе общественной науки... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»^[3]. Историзм в качестве принципа познания материального мира позволяет проследить, как формировалась и видоизменялась регламентация того или иного вопроса в уголовно-процессуальном законодательстве. Нынешнее состояние правовой регламентации может быть правильно оценено с учетом ее собственной истории. Между тем до сих пор отсутствуют целевые исследования уголовно-процессуального законодательства в историческом аспекте. Отдельные сведения, касающиеся развития уголовно-процессуального законодательства в Советском Узбекистане, содержатся в работах Х. С. Сулаймановой и А. Х. Расулева по истории судоустройства, в научной статье Ф. С. Бакирова, посвященной уголовно-процессуальному праву Узбекистана 1917—1933 гг., а также в исследовании В. У. Умарова, характеризующем УПК УзССР 1959 г. Не говоря о хронологической неполноте изложения, ни одна из этих работ непосредственно не освещает проблемы развития законодательного регулирования производства расследования и деятельности органов предварительного следствия и дознания Узбекской ССР. Более того, авторы не ставили перед собой задачу использовать исторические материалы для рассмотрения вопросов дальнейшего совершенствования соответствующего законодательства. Все это обусловило необходимость предпринятого в данной диссертации исследования этапов развития законодательства УзССР о производстве расследования.

Успешная борьба с наиболее опасными нарушениями советских законов — преступлениями во многом зависит от разработки научных рекомендаций по совершенствованию конкретных правовых норм. Успехи и просчеты расследования необходимо анализировать и с точки зрения их детерминированности правовой

регламентацией, разрабатывать наиболее оптимальные ее формы, позволяющие избежать ошибок. Круг таких научных разработок был очерчен еще в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 декабря 1965 г. «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка» [4]. Ряд вопросов производства предварительного следствия и дознания ждет своего оптимального решения в свете требований постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июля 1970 г. «О мерах по "улучшению работы судебных и прокурорских органов» [5] и от 2 августа 1979 г. «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» [6].

Во исполнение поставленных Партией и Правительством задач, исходя из потребностей следственной практики, ценные научные рекомендации о совершенствовании уголовно-процессуального законодательства и практики его применения разработали Н. С. Алексеев, И. Е. Быховский, А. Н. Васильев, Б. А. Галкин, И. М. Гуткин, Т. Н. Добровольская, А. В. Дулов, В. К. Звирбуль, В. И. Каминская, Д. С. Карев, Л. М. Карнеева, Л. Д. Кокорев, Э. Ф. Куцова, А. М. Ларин, И. М. Лузгин, В. З. Лукашевич, Г. М. Миньковский, А. И. Михайлов, Я. О. Мотовиловкер, И. Д. Перлов, И. Л. Петрухин, А. Р. Ратинов, Р. Д. Рахунов, В. М. Савицкий, М. С. Строгович, Ф. Н. Фаткуллин, М. А. Чельцов, А. А. Чувилев, С. А. Шейфер, А. Р. Шляхов, П. С. Элькинд, М. Л. Якуб, Н. А. Якубович и др.

Предложения о внесении отдельных уточнений и дополнений в УПК Узбекской ССР содержатся в работах ученых Узбекистана: Б. Г. Алимджанова, А. А. Касимова, И. А. Либуса, А. Г. Михайлянца, У. О. Очилова, Б. И. Пинхасова, Г. П. Саркисянца, И. Б. Стерника, Х. С. Таджиева и др. Однако, большинство проблем совершенствования норм УПК УзССР о производстве расследования не подвергалось цельному и системному изучению.

Нормы принятого почти четверть века назад УПК УзССР, особенно о производстве расследования, не в полной мере отвечают требованиям следственной практики, не содержат решения ряда вопросов, нуждающихся в правовом регулировании. Недостаточная регламентация деятельности органов предварительного следствия и дознания существенно затрудняет их работу.

Цель и задачи исследования. Цель исследования — способствование закономерному процессу совершенствования уголовно-

процессуальных норм о производстве расследования для обеспечения наилучшей организованности, упорядоченности, устойчивости, динамичности и системности процессуальных отношений.

Одна из задач исследования состоит в теоретическом обосновании широкого внедрения в следственную практику достижений уголовно-процессуальной науки, а также советской криминалистики, судебной этики, судебной психологии.

Другая задача исследования заключается в изучении особенностей возникновения и видоизменения институтов, правил, форм и предписаний в уголовно-процессуальном законодательстве, анализе их служебной роли и определении путей дальнейшего совершенствования в свете конституционных требований. При этом автор исходит из задач усиления охраны прав, законных интересов граждан и достижения истины.

Исследуя конкретные проблемы совершенствования процессуальных норм, автор изыскивает оптимальные пути разрешения противоречий между общественными и личными интересами с учетом социальной их значимости.

Методы исследования. При изучении проблем совершенствования республиканского законодательства о производстве расследования автор руководствовался постановлениями Коммунистической партии и Советского правительства по вопросам борьбы с преступлениями, марксистско-ленинским учением о праве и законности, указаниями В. И. Ленина о высоком назначении и творческой роли законодательства, о языке и ясности закона, учете мнений в законопроектной работе, заимствовании и критическом использовании всего того, что имеется в литературе и законодательстве, недопустимости спешки в законодательствовании и в то же время своевременном реагировании на возможные факты вступления законов в противоречие с жизнью и потребностями общества.

Отдельные вопросы рассмотрены с помощью метода сравнительного правоведения. Широко использованы автором социологические приемы анализа. Для выявления непоследовательностей, противоречий и пробелов в законе диссертант опирался на логико-правовой метод анализа действующего права.

Информационная база исследования. В диссертации проанализированы нормативные материалы и специальная литература по разрабатываемым проблемам. Использованы документы из фондов Центрального государственного архива Узбекской ССР, архивов Президиума Верховного Совета, органов внутренних дел, прокуратуры, юстиции и судов республики. Наряду с опубликованными данными диссертант пользовался результатами обобщений судебно-следственной практики и соответствующими статистиче-

скими материалами за 1970—1982 гг., изучил более 6 тысяч протоколов и постановлений по 1200 уголовным делам. По отдельным вопросам производства расследования путем анкетирования и интервьюирования выяснены мнения 385 работников органов дознания, следователей прокуратуры и органов внутренних дел, прокуроров и судей Узбекской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР.

Диссертант использовал личный опыт следственной работы в органах прокуратуры, а также в законопроектной деятельности Президиума Верховного Совета УзССР.

Научная новизна положений и выводов. Диссертация представляет собой первую попытку монографического исследования законодательства о производстве расследования по материалам Узбекской ССР. В ней показан сложный своеобразный путь развития правовой регламентации деятельности органов предварительного следствия и дознания.

Главное внимание уделено разработке конкретных задач дальнейшего совершенствования законодательства и законоприменения в свете положений Конституции СССР и Конституции УзССР. Исходя из теории и практики законодательного регулирования предварительного следствия и дознания, автором дана новая классификация следственных действий, обоснована необходимость улучшения процессуального порядка и условий их производства, наделения обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и других участников расследования дополнительными правами. Впервые подвергнута теоретическому исследованию проблема системы процессуальных норм, регламентирующих расследование; предложена наиболее стройная система норм общей части УПК и норм о предварительном следствии и дознании. Это, по мнению диссертанта, представляет собой новое направление уголовно-процессуальных исследований, весьма перспективное с точки зрения потребностей законотворческой и законоприменительной практики.

Проведенное исследование статуса лиц, участвующих в расследовании, дало возможность автору внести ряд предложений, направленных на усиление гарантий прав личности в уголовном процессе, на укрепление процессуальной самостоятельности следователя. Научное и прикладное значение имеют предложения автора, направленные на оптимальное решение вопроса о соотношении предварительного следствия и дознания, а также на улучшение процедуры собирания доказательств.

В работе обосновываются следующие вносимые на защиту основные положения:

1. В периодизации развития уголовно-процессуального права республики узловыми моментами следует признать издание рес-

публиканских кодифицированных законов — уголовно-процессуальных кодексов. В соответствии с этим определены следующие периоды развития уголовно-процессуального законодательства в Узбекской ССР: 1) с 1917 по 1926 г.; 2) с 1926 по 1929 г.; 3) с 1929 по 1959 г.; 4) с 1959 по настоящее время.

Выделение указанных периодов позволяет выявить основные тенденции и особенности развития законодательства о производстве расследования в УзССР.

Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно проявляли заботу, чтобы расследование преступлений осуществлялось на законной и научной основах.

2. Уже в первые годы развития советского законодательства в целом правильно регламентировались многие процессуальные действия (арест, задержание, обыск, выемка, предъявление обвинения, допрос обвиняемого и подозреваемого), разграничивалась компетенция следователя, прокурора, суда, хотя некоторые вопросы уголовно-процессуальной формы оставались нерешенными.

Принятый вскоре после образования Узбекской ССР первый Уголовно-процессуальный кодекс республики (1926 г.) восполнил пробелы в законодательстве о производстве расследования. Но, к сожалению, уже в 1929 г. он был заменен другим кодексом, разработанным под влиянием распространившейся тогда идеи процессуального упрощенчества. В этом УПК имелось немало погрешностей, которые на протяжении длительного периода времени оставались неустраненными.

Принятые Коммунистической партией меры по укреплению социалистической законности открыли широкий простор для творческого развития советского законодательства. В УПК УзССР (1959 г.) регламентация деятельности органов предварительного следствия и дознания была приведена в соответствие с требованиями решительной борьбы с преступностью и усиления охраны прав личности в условиях развитого социализма.

3. Компетенция союзной республики в области законодательства не ограничена лишь вопросами, решение которых требует учета национальных и иных местных особенностей. Союзные республики как суверенные регулируют общественные отношения с учетом исторического и практического опыта трудящихся соответствующих государственных образований. То обстоятельство, что одни и те же вопросы в разных союзных республиках иногда решаются неодинаково, отражает преимущества социалистической демократия в сфере законодательствования. Особенности законодательного регулирования объясняются главным образом стремлением законодателя каждой союзной республики наиболее правильно, оптимально решить те или иные вопросы.

Вместе с тем неодинаковое решение одних и тех же вопросов

в кодексах должно быть научно аргументировано и не противоречить требованиям Основ. Если одни и те же общественные отношения в различных союзных республиках регламентируются отличающимися друг от друга нормами, то, очевидно, эффективность последних не может быть равной. Критерием в этом случае должна служить практика применения правовых норм.

Подавляющее большинство норм УПК УзССР 1959 г. в целом себя оправдало, но отдельные из них не полностью отвечают потребностям практики. Обнаружились и некоторые пробелы в регламентации. Эти недостатки особенно проявляются в сопоставлении с аналогичными по назначению нормами кодексов других союзных республик.

4. Теоретическая и практическая значимость проблем системы уголовно-процессуальных норм состоит в раскрытии внутренней взаимосвязи, определении последовательности и обеспечении полноты законодательного регулирования. Согласованность, логичность и четкость систематизации норм организующе воздействуют на регулируемые ими уголовно-процессуальные правоотношения, способствуют точному их применению в каждом конкретном случае. Решение указанных проблем — одна из существенных задач уголовно-процессуальной науки.

5. Дознание как форма упрощенного расследования, в котором стеснены право обвиняемого на защиту, права потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, а также процессуальная самостоятельность лица, ответственного за производство расследования, следует упразднить. По всем уголовным делам, нуждающимся в досудебной подготовке, должно производиться предварительное следствие.

6. С учетом характера познавательных и удостоверительных операций следственные действия целесообразно классифицировать на следующие группы: обеспечивающие получение показаний (допрос, очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте); связанные с исследованием объектов — носителей доказательственной информации (осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент); направленные на изъятие предметов и документов (обыск, выемка, получение образцов, принятие предметов и документов). Самостоятельным видом следственного действия является назначение и производство судебной экспертизы.

Приведенная классификация позволяет разработать общие для той или иной группы следственных действий основания, условия и порядок производства.

В работе проанализированы возможности дальнейшего расширения гарантий прав и законных интересов граждан в уголовном судопроизводстве, внесены предложения об уточнении "процессу-

ального статуса ряда участников предварительного следствия и дознания. Даны новые рекомендации, направленные на улучшение практики приостановления, прекращения производства по делу, а также окончания расследования с составлением обвинительного заключения.

Апробация и внедрение. Основные положения диссертации изложены в двух монографиях и двух брошюрах, в написанных им в соавторстве шести книгах, а также в 22 научных статьях и 10 рецензиях. Общий объем публикаций составил 40 печатных листов. Монографии получили положительную оценку на страницах центральной и республиканской печати, в докладах и выступлениях на научно-теоретических и практических конференциях и семинарах.

Результаты исследования частично внедрены путем разработки автором проектов Указов Президиума Верховного Совета УзССР. Так, Указом от 28 мая 1976 г. УПК дополнен статьями б¹—о неприкосновенности жилища и тайне переписки, 113'—о времени производства следственных действий и 142'—о проверке показаний на месте, внесены продиктованные следственной практикой изменения и дополнения в 25 статей Кодекса. В Указе от 28 октября 1982 г. учтены предложения автора по 6 статьям УПК УзССР.

Выводы и рекомендации данного исследования могут быть использованы в работе по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства союзных республик.

Отдельные положения диссертации внедрены также в учебный процесс в Ташкентской высшей школе МВД СССР.

Структура работы. Диссертация состоит из двух разделов, включающих 9 глав. В первом разделе освещаются основные этапы развития законодательства УзССР о расследовании преступлений, во втором — проблемы совершенствования и повышения эффективности действующих уголовно-процессуальных правил расследования.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении показываются актуальность темы, цели и задачи исследования, методологическая основа и информационная база исследования, научная новизна и практическая значимость положений и выводов автора, апробация и внедрение их в законотворческую и правоохранительную деятельность, а также в учебный процесс.

Первая глава — «Становление советского законодательства о

производстве расследования на территории Узбекистана». Здесь приводятся фактические данные о беззакониях, псевдонаучных средствах доказывания в казийско-бийских судах, обосновывается тезис о том, что внешне состязательный характер судопроизводства в Туркестанском крае не мешал казиям, биям и другим судебным чиновникам защищать интересы состоятельной стороны.

Показано, что после присоединения Туркестана к России царское правительство внесло ряд изменений в судопроизводство края, создало новые судебные учреждения, установило формы расследования, преследуя, однако, прежде всего цель защиты колониальных интересов. Нельзя было надеяться на справедливое правосудие.

Диссертант на основе первых актов Советской власти, официальных архивных документов Туркестанского края раскрывает особенности слома дореволюционной судебно-следственной системы и создания советских следственных органов.

По примеру Петроградского военно-революционного комитета, создавшего следственно-юридический отдел, первая следственная комиссия в Туркестанском крае была создана Ташкентским Советом рабочих и солдатских депутатов в начале ноября 1917 г. для разбора дел о лицах, задержанных за участие в контрреволюционных выступлениях и совершение иных преступлений. Следственные комиссии образовывались и на местах по инициативе, как правило, самих трудящихся.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что следственные комиссии занимались не только расследованием конкретных уголовных проявлений, но и предотвращением значительного числа преступлений, заботились об обеспечении революционного порядка на обслуживаемой территории. Самоотверженно трудились работники советских судебно-следственных учреждений, способствуя упрочению Советской власти на местах, защите интересов трудящихся, привлечению их к управлению страной, раскрепощению женщин, ликвидации неграмотности, осуществлению иных необходимых социальных преобразований.

На начальном этапе существования Советской власти нельзя было ожидать подробной процессуальной регламентации деятельности следственных комиссий и местных народных судей по производству расследования. Предметом первоочередной законодательной регламентации явились действия и решения органов предварительного следствия и дознания, связанные с ограничением личных прав и свобод граждан.

Защитник в процессе расследования уголовных дел вправе был участвовать с момента привлечения лица в качестве обвиняемого. Однако как следственная комиссия, так и судьи, расследующие

дело, могли не допустить защитника к участию в деле, если этого требовали интересы установления истины.

В соответствии с Положением о народном суде Туркестанской АССР от 18 января 1921 г. следственные комиссии заменялись единоличными народными следователями, утверждаемыми исполкомами областных Советов депутатов трудящихся по представлению совета народных судей. Это, по мнению диссертанта, с одной стороны, способствовало повышению личной ответственности лиц, производящих предварительное следствие, повышению их самостоятельности в решении процессуальных вопросов, с другой — означало разграничение функций расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

Наличие многочисленных законодательных и ведомственных актов, содержащих нормы по тем или иным вопросам предварительного следствия и дознания, осложняло работу этих органов. Положение изменилось после введения в действие УПК РСФСР на территории автономной республики с 1 августа 1922 г. постановлением IV сессии ЦИКа Туркестанской АССР.

Важным шагом на пути развития правовой регламентации расследования стало постановление Революционного комитета УзССР от 27 ноября 1924 г., принятое в связи с национально-государственным размежеванием республик Средней Азии. Было установлено, что действовавшие на территории Туркестанской АССР, Хорезмской и Бухарской народных советских республик законы сохраняют свою силу соответственно на территории названных республик впредь до издания законов Узбекской ССР. Поскольку в Хорезме и Бухаре применялся УПК РСФСР, фактически было обеспечено единство уголовно-процессуального законодательства на всей территории УзССР.

Вторая глава — «Регламентация производства расследования в УПК УзССР 1926 г.» — содержит анализ первого УПК республики и внесенных в него до 1929 г. изменений и дополнений. Диссертант отмечает, что УПК УзССР 1926 г. по содержанию и структуре был близок к УПК РСФСР 1923 г., хотя и содержал некоторые отличия. Так, в соответствии с примечанием к ст. 60 УПК УзССР признавалось уважительной неявка свидетеля, а равно эксперта и других лиц, проживающих далее ста верст по грунтовым дорогам и трехсот верст по железнодорожным и пароходным путям сообщения от места вызова. В условиях бездорожья, ненадежности транспорта, а также разгула басмачества подобное правило имело основание.

В соответствии со ст. 157 УПК УзССР мера пресечения в виде содержания под стражей применялась на срок не более 3 месяцев. Этот срок прокурором области мог быть продлен еще на два

месяца. В данном случае, в отличие от УПК РСФСР, было использовано предусмотренное примечанием к ст. 10 Основ право союзной республики увеличить в законе сроки содержания под стражей с учетом местных условий.

Существенные изменения в структуру и деятельность следственных органов внесло постановление ЦИК УзССР от 1 декабря

1928 г., которым следственный аппарат был подчинен органам прокуратуры. Это привело к усилению и расширению полномочий следователей по сравнению с органами дознания. Следователи отныне не только могли наблюдать за деятельностью этих органов, но и получили право по делу, оконченному дознанием, утверждать обвинительное заключение, участвовать в распорядительных заседаниях суда, выступать в качестве государственных обвинителей.

Третья глава — «Реформа расследования по УПК УзССР 1929 г.» Истоки реформы диссертант видит в том, что значительное увеличение числа уголовных проявлений в условиях завершения нэпа и перехода в наступление на частнособственнический уклад в экономической культурной жизни страны создало определенные трудности в работе судебно-следственных органов. В этот период наряду с правильными рекомендациями о путях и средствах преодоления этих трудностей распространялись ошибочные мнения о том, что порядок расследования и судебного рассмотрения уголовных дел неоправданно сложен, изобилует формальностями, порождающими медлительность и бюрократизм. Это во многом определило содержание и структуру УПК Узбекской ССР, который был утвержден постановлением ЦИК Советов УзССР от 29 июня 1929 г. и введен в действие с 1 августа того же года.

Нельзя согласиться с утверждением Ф. Бакирова о том, что УПК УзССР 1929 г. был актом, свидетельствующим о значительном развитии в Узбекистане научно-процессуальной мысли, что он включал ряд норм, восполнявших пробелы УПК УзССР 1926 г. Фактически УПК УзССР 1929 г. представляет собой несколько измененный вариант второго проекта УПК РСФСР, опубликованного НКЮ РСФСР в 1928 г., причем изменения были направлены главным образом на еще большее упрощение порядка расследования.

В кодексе отсутствовали глава о дознании, а также имевшиеся в предыдущем кодексе самостоятельные главы о допросе свидетелей и экспертов, обыске, выемке, осмотре, освидетельствовании и выяснении психического состояния обвиняемого. Вместо них была включена одна глава — «Собирание доказательств», которая схематично освещала порядок производства следственных действий.

Ст. 4 УПК УзССР 1929 г. закрепляла право производства расследования не только за следователями, но и за рядом других органов. Вскоре, согласно общесоюзным законом, круг следственных органов был значительно расширен. В Узбекской ССР многие органы получили право производства дознания и в соответствии с приказами Прокурора республики. Все это привело к тому, что в те годы участились факты некачественного ведения следствия, грубого нарушения уголовно-процессуальных норм. На качество следствия по отдельным категориям уголовных дел отрицательно влияло также стремление к чрезмерному сокращению сроков следствия.

Конституция СССР 1936 года ограничивала права союзных республик в области законодательства об уголовном судопроизводстве. Поэтому уголовно-процессуальное законодательство Узбекской ССР, как и других союзных республик, хотя не в полной мере отвечало потребностям практики расследования преступлений, более два десятилетия находилось в состоянии застоя.

Четвертая глава — «Действующее законодательство УзССР о расследовании преступлений» — посвящена исследованию УПК УзССР 1959 г., отражает его последующие изменения и дополнения.

Поскольку уголовно-процессуальное законодательство является союзно-республиканским, решение основополагающих вопросов принадлежит Союзу ССР. Но в общесоюзном законе не все вопросы могут получить исчерпывающего разрешения. Республиканское законодательство доводит регулирование до логического конца, конкретизирует и детализирует его. При этом существенное значение приобретают местные особенности, сложившиеся в отдельных республиках правовые взгляды и традиции, экономические, географические, психологические и иные специфические факторы. В диссертации аргументирована неприемлемость предложений о принятии УПК СССР (К. Н. Карацев) или примерного УПК союзных республик (А. П. Гуляев). Отнесением уголовно-процессуального законодательства к компетенции союзных республик обеспечивается возможность «полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели»[7].

Принятие 21 мая 1959 г. УПК УзССР завершило важный этап правотворческой деятельности в республике. Это, однако, не означает, что в дальнейшем обеспечение стабильности УПК будет иметь приоритет перед быстрым реагированием законодателя на изменения в жизни общества.

Дальнейшее развитие социалистической демократии, советского общественного и государственного строя, повышение политической сознательности и культуры трудящихся, обусловившие принятие 7 октября 1977 г. Конституции СССР, закономерно отразились и на расширении и углублении демократических основ осуществления правосудия по уголовным делам. Еще более актуальной стала задача улучшения практики работы следственных органов на основе дальнейшего совершенствования законодательства об уголовном судопроизводстве.

В УПК УзССР нашли отражение продиктованные Конституцией СССР изменения и дополнения, внесенные в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 г. Кодекс по состоянию на 1 января 1983 г. дополнялся и изменялся 43 законодательными актами. В него были включены четыре новых раздела и главы, 79 статей; исключены 3 статьи; внесено 343 дополнения и изменения в 183 статьи.

При совершенствовании норм УПК УзССР учитывались потребности практики применения уголовно-процессуального законодательства. При этом использовались также соответствующий опыт братских союзных республик и достижения советской уголовно-процессуальной науки. На этой основе устранялись пробелы и противоречия, вносились нужные уточнения. Во многих изменениях и дополнениях УПК УзССР ясно выражено стремление законодателя к расширению гарантий прав участников судопроизводства, конкретизации их процессуального статуса.

Возможности развития и улучшения УПК УзССР, разумеется, не исчерпаны. В свете требований XXVI съезда КПСС о повышении качества расследования преступлений предстоит обсудить и решить ряд назревших вопросов дальнейшего совершенствования УПК УзССР. Теоретической разработке наиболее актуальных из них посвящены следующие главы диссертации.

Пятая глава — «Система норм УПК, регламентирующих производство расследования», — представляет собой первую попытку исследования этого важного в теории процессуальной регламентации вопроса.

Уголовно-процессуальное законодательство — это не простая сумма разрозненных, не связанных между собой правил, а органически стройная система норм, регулирующих деятельность участников уголовного процесса по расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел. По мнению диссертанта, система норм УПК должна разрабатываться с учетом их характера и внутренней взаимосвязи.

Основы как единая для УПК всех союзных республик юриди-

ческая база в известной степени предопределили не только содержание, но и внутреннюю структуру кодексов. Однако речь может идти не о тождественности, а лишь о сходстве структур Основ и кодексов. Системы Основ и кодексов не могут быть тождественными, поскольку для УПК характерна более детальная регламентация, чем для Основ.

Положения Основ могут быть развиты и конкретизированы в УПК, прежде всего, путем дополнения текста воспроизводимой статьи Основ. Такой способ развития, как правило, не порождает структурных различий между Основами и кодексом. Иная, чем в Основах, систематизация норм требуется, как правило, в связи с конструированием новых статей, конкретизирующих, развивающих положения общесоюзного закона. При этом, исходя из характера новых статей, их значимости и связи с другими статьями, надо определить, в какую главу и в какой последовательности следует их поместить. При наличии группы взаимосвязанных норм, отсутствующих в Основах, подлежит решению вопрос о выделении их в самостоятельную главу кодекса.

Статьи об участниках уголовного процесса, их правах и обязанностях обоснованно выделены во вторую главу УПК УзССР. К участникам процесса отнесены судья, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, как самостоятельные субъекты расследования. Однако глава не упоминает о других участниках уголовного процесса. Между тем, по мнению диссертанта, нет оснований исключать из числа участников процесса лиц, выполняющих в уголовном судопроизводстве свой социально-правовой долг. Свидетель, эксперт, руководитель экспертного учреждения, специалист, переводчик и понятой обладают процессуальными правами, несут обязанности, вступают в процессуальные отношения, а потому статьи об этих участниках процесса заслуживают включения в главу вторую УПК УзССР.

Диссертант предлагает в этой же главе отразить права и обязанности тех участников процесса, кто имеет личные процессуальные интересы в деле. В настоящее время соответствующие статьи размещены в разных главах кодекса, что приводит к дублированию, а иногда и противоречиям. Обосновывается предложение заключить рассматриваемую главу группой норм об обстоятельствах, исключающих возможность участия в судопроизводстве, и об отводах.

В отличие от УПК УзССР (и УПК РСФСР) УПК (большинства союзных республик) посвящают возбуждению уголовного дела специальный раздел. Это оправданно, ибо оно также представляет самостоятельную стадию и не входит в стадию расследования преступлений. Процессуальные нормы об основаниях и поводах к возбуждению уголовного дела, порядке и условиях возбуж-

дения и отказа в возбуждении дела адресованы не только следователю и органу дознания, но также прокурору и суду.

В главе УПК УзССР об общих условиях предварительного следствия отмечается некоторая непоследовательность расположения статей. Так, нормы о начале и сроках предварительного следствия (ст. ст. 113 и 121) неоправданно разобщены, тогда как они регулируют весьма близкие вопросы. Положения, связанные с производством предварительного следствия по делу несколькими следователями, включены в ст. 113 о начале производства предварительного следствия, что может привести к ошибочному выводу, будто совместное участие нескольких следователей в расследовании допустимо лишь с самого начала следствия.

В диссертации аргументируется включение в главу об общих условиях предварительного следствия требований, запретов и ограничений, имеющих универсальные значения для всех следственных действий, а равно об обязательных и факультативных участниках следственных действий, о порядке их вызова, последствиях неявки, приводе, разъяснении прав и обязанностей. Здесь же должны быть помещены нормы, определяющие процессуальные основания и условия применения научно-технических средств при производстве следственных действий.

Диссертант считает правильным расположение норм о следственных действиях, направленных на собирание и проверку доказательств, до норм о привлечении в качестве обвиняемого. Конечно, следователь после привлечения лица в качестве обвиняемого не прекращает собирание и проверку доказательств. Однако основная масса доказательств собирается и проверяется до привлечения лица в качестве обвиняемого. Иное соответствует вредному, основанному на отрицании презумпции невиновности тезису «привлекать к ответственности, а затем доказывать».

Автор предлагает определить последовательность расположения процессуальных норм о порядке и условиях производства отдельных следственных действий, исходя из классификации следственных действий по признакам однородности операциональной структуры. При этом обосновывается необходимость выделения процессуальных норм о приостановлении и возобновлении производства по делу в самостоятельную главу, по примеру УПК ряда союзных республик. В УПК УзССР они даны вместе с нормами об окончании следствия, что нельзя признать удачным.

В диссертации предложена логически последовательная система норм общей части и глав о производстве расследования.

Шестая глава — «Общие условия производства расследования» — содержит анализ вопросов о сущности и соотношении до-

знания и предварительного следствия, а также о расширении действия принципа процессуальной самостоятельности и повышения позитивной ответственности следователя.

В диссертации обосновывается тезис об ограничении задач дознания выполнением неотложных следственных действий по собиранию доказательств в целях раскрытия преступления и обнаружения преступника по горячим следам. Представляется, что в принципе не существует уголовно-процессуальных и тактических оснований для выделения тех или иных следственных действий в категорию неотложных. Не только на первоначальном, но на любом этапе расследования одни следственные действия являются неотложными, другие — терпящими отлагательства, а третьи — преждевременными. Их необходимость и неотложность зависят не от вида следственных действий, а от конкретных обстоятельств дела.

Невозможно априорно определить, какие следственные действия будут неотложными по всем уголовным делам на определенном этапе расследования, в том числе на первоначальном. Этот вопрос решается следователем, исходя из конкретной ситуации и в соответствии с научными рекомендациями криминалистических методик.

Дознание, производимое вместо предварительного следствия, представляет собой упрощенную форму расследования, в котором обвиняемый, потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик лишены важных процессуальных прав. В литературе не приведен ни один сколько-нибудь веский довод в пользу сохранения этой формы расследования.

Выделение дел, по которым предварительное следствие заменяется дознанием, нельзя объяснить возможностью назначения менее суровых мер наказания. Так, за изготовление, сбыт и хранение крепких спиртных напитков домашней выработки и за бродяжничество законом предусмотрено лишение свободы на срок до пяти лет (ч. 3 ст. 181 и ч. 2 ст. 220 УК УзССР) в то время, как для 39 составов преступлений, по делам о которых предварительное следствие обязательно, наказание не превышает лишения свободы до трех лет и по 63 составам — пяти лет.

Отнесение уголовных дел к числу тех, по которым достаточно производства дознания, не вытекает также из характера расследуемых преступлений. Так, согласно ст. 108 УПК УзССР по делам о побоях можно ограничиться дознанием, а по делам о систематических побоях и истязаниях требуется производство предварительного следствия; по делам о мелкой спекуляции валютными ценностями предварительное следствие не обязательно в отличие от дел о повторной мелкой спекуляции; по делам о занятии запрещенным промыслом считается достаточным производ-

ство дознания, а по делам о незаконной переработке хлопка-сырца необходимо предварительное следствие и т. д.

Уголовные дела различаются по своей сложности. Однако заранее невозможно определить, по делам о каких преступлениях легче установить истину: бывает нетрудно доказать виновность убийцы и, наоборот, дело о нанесении побоев может быть прекращено из-за недостаточности улик и невозможности собирания других доказательств.

Исходя из этих соображений, диссертант считает, что упрощенное расследование по отдельным категориям уголовных дел в форме дознания лишено рациональных оснований и должно быть упразднено.

Деятельность следователя состоит из ряда действий и решений, к каждому из которых обращены требования закона о качественном и своевременном расследовании уголовного дела. Отсюда вытекает, что личная позитивная ответственность следователя распространяется на все его действия и решения, связанные с производством предварительного следствия, а ответственность немыслима без предоставления процессуальной самостоятельности. Разумеется, самостоятельность следователя не безгранична. Она осуществляется в пределах предоставленных ему властных полномочий в правоотношениях с другими участниками предварительного следствия. Свои полномочия следователь реализует на основе неуклонного соблюдения и уважения прав и свобод граждан.

Властные полномочия следователя, связанные с существенным ограничением прав и свобод граждан, в частности избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, обыск, могут быть осуществлены с санкции прокурора. Неправы авторы, предлагающие в целях повышения самостоятельности следователя сократить предусмотренные законом случаи получения санкции прокурора. (И. Д. Гончаров). Принцип самостоятельности и ответственности следователя не исключает его подконтрольности и поднадзорности.

В то же время неправомерно обязывать следователя выполнять те или иные следственные действия или принимать те или иные решения по уголовному делу, вопреки своему внутреннему убеждению. Представляется, что несогласие следователя с указаниями прокурора по любому вопросу, если эти указания не отменены вышестоящим прокурором, должно влечь за собой замену следователя другим в соответствии с пунктом 9 ст. 29 Закона о Прокуратуре СССР. Те же последствия должно влечь несогласие следователей органов внутренних дел и государственной безопасности с указаниями начальника следственного подразделения и его заместителя.

В целях повышения позитивной ответственности следователя за эффективное выполнение возложенных на него функций диссертант вносит предложение о разработке системы мер, обеспечивающих качественное и своевременное выполнение постановлений следователя, а также его поручений органам дознания о производстве розыскных и следственных действий.

В диссертации рассмотрен также вопрос о пределах самостоятельности и ответственности следователей, осуществляющих совместное расследование уголовного дела. По мнению автора, решения и по этим делам должны приниматься следователями всегда единолично, притом по наиболее важным, основным вопросам — лишь руководителем следственной группы.

Седьмая глава — «Процессуальный статус участников расследования» — содержит анализ норм УПК УзССР о правах и обязанностях обвиняемого и его защитника, подозреваемого, потерпевшего и др.

Согласно ст. 7 Основ (ст. 7 УПК УзССР) «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом». Вместе с тем было бы ошибкой считать, что следователь привлекает лицо в качестве обвиняемого лишь по предположению о его виновности. Критерием законности и правильности привлечения лица в качестве обвиняемого следует признать наличие достаточных доказательств его виновности.

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого должно быть не только законным и обоснованным, но и своевременным. Преждевременное привлечение в качестве обвиняемого может быть необоснованным, запоздалое — лишить его возможности в течение определенного времени пользоваться своими правами. Поэтому отступления от указанного правила, допускаемые отдельными практическими работниками «по тактическим соображениям», неправомерны и должны расцениваться как ущемление прав обвиняемого. Рассматривая вопрос о праве обвиняемого на защиту, автор солидаризуется с мнением ряда советских процессуалистов о необходимости допущения защитника по всем делам, как правило, с момента появления обвиняемого.

Отмечается, что прокуроры не используют предоставленное им право допуска защитника с момента предъявления обвинения. Автор объясняет это тем, что на практике допуск защитника по постановлениям прокурора всецело зависит от наличия ходатайства обвиняемых, которым, в свою очередь, следователи не всегда разъясняют их право на заявление ходатайства.

Представляется полезным использовать опыт правовой регламентации данного вопроса в законодательстве европейских социа-

листочекких стран. В частности, допуская защитника по всем уголовным делам с момента предъявления обвинения и сохраняя существующие случаи обязательного его участия на предварительном следствии, необходимо предоставить следователю право в исключительных случаях по согласованию с прокурором принимать мотивированное постановление о допуске защитника лишь с момента окончания расследования, если это диктуется интересами обеспечения тайны расследования и нейтрализации отрицательных последствий участия защитника до окончания расследования.

В работе исследуются возможности совершенствования правовых норм о потерпевшем, гражданском истце и гражданском ответчике. Согласно закону потерпевшим признается гражданин, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред. Между тем факт причинения такого вреда устанавливается только судом, а на предварительном следствии собираются доказательства, указывающие на причинение гражданину расследуемым преступлением морального, физического или имущественного вреда. Это означает, что для признания гражданина потерпевшим по делу достаточно наличия фактических данных, свидетельствующих, что преступление возможно имело место и им причинен вред. В целях уточнения, на наш взгляд, целесообразно в ст. 36 Кодекса включить предписание в том, что лицо признается потерпевшим при наличии данных о нанесении преступлением ему морального, физического или имущественного вреда.

Ст. ст. 37 и 38 УПК. УзССР, определяющие процессуальный статус гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, не наделяют этих лиц правом давать показания. Между тем на практике нередко в силу необходимости производится допрос указанных лиц. При этом гражданского истца и его представителя допрашивают по правилам допроса потерпевших, а гражданского ответчика и его представителей в большинстве случаев — в качестве свидетелей. Представляется, что лицо не обязано выступать в роли свидетеля обстоятельств причинения ущерба, лежащего в основании заявленного против него гражданского иска. Кроме того, такая практика противоречит предписанию ст. 40 УПК УзССР о недопустимости совмещения в одном лице свидетеля и представителя интересов потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика. Устранению подобных случаев послужило бы дополнение ст. 37 и 38 УПК о том, что гражданский истец, гражданский ответчик и их представители имеют право давать показания.

В диссертации аргументируется нецелесообразность ограничения круга следственных действий, при производстве которых следователь вправе использовать помощь специалистов. Диссертант указывает, что порядок приглашения переводчика в стадии пред-

верительного следствия и дознания не получил в ст. 120 УПК УзССР достаточно четкой регламентации. Участие этого лица ограничено лишь случаями «когда обвиняемый, потерпевший, свидетель, эксперт не владеют языком, на котором ведется следственное производство по делу». Данная формулировка исключает из перечня заинтересованных лиц подозреваемого, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей и других лиц, участвующих в деле. В работе обосновывается предложение о дополнении УПК УзССР предписанием о том, что участие переводчика обязательно и в тех случаях, когда кто-либо из участников процесса недостаточно владеет языком, на котором ведется судопроизводство, хотя и не заявляет ходатайства о приглашении переводчика.

Обращено внимание на недостатки правового регулирования участия понятых на предварительном следствии. Ст. 119 Кодекса, регламентирующая участие понятых на предварительном следствии, не содержит требований о том, что понятые должны быть совершеннолетними и иметь жизненный опыт, позволяющий понимать значение производимых действий и их результатов; исчерпывающего перечня лиц, которые не могут быть понятыми. Понятой должен быть свободен от выполнения каких бы то ни было других функций в уголовном процессе, ибо для него именно ход их реализации является объектом наблюдения и осмысления.

Автор обосновывает целесообразность включения в УПК УзССР предписания, запрещающего привлечение в качестве понятых всех участвующих в деле лиц, а также работников правоохранительных органов и распространяющего на понятых правила и основания к отводу, закрепленные в ст. 32 Кодекса.

В связи с тем, что при производстве осмотра места происшествия, особенно по уголовным делам о кражах, нередко присутствуют владельцы индивидуальных жилых домов, подсобных помещений, дворов, приусадебных участков, водители автомашин, материально-ответственные лица баз, складов, магазинов и т. п., в диссертации предлагается определить процессуальный статус указанных лиц. Отсутствие последнего затрудняет их привлечение к производству следственных действий, разъяснение им прав и обязанностей. Отмечается необоснованность возложения на лиц, привлекаемых к производству следственных действий, обязанностей, не предусмотренных законом.

Восьмая глава — «Процессуальный режим производства следственных действий» — посвящена законодательному регулированию действий следователя по собиранию и проверке доказательств.

Диссертант определяет следственное действие как направленный на формирование доказательств комплекс познавательных и удостоверительных операций, осуществляемых следователем (судом) в порядке, предусмотренном законом.

Уголовно-процессуальный закон должен содержать перечень следственных действий. В УПК УзССР, как и в УПК других союзных республик, в числе следственных действий не названы очная ставка, проверка показаний на месте, получение образцов для сравнительного исследования, хотя эти действия также направлены на собирание и исследование доказательств. В то же время законодательство отдельных союзных республик причисляет к следственным действиям задержание, привод, арест подозреваемого или обвиняемого и розыск скрывшегося преступника, несмотря на то, что они не связаны с обнаружением, фиксацией, изъятием и исследованием доказательств.

По мнению автора, задержание на месте совершения преступления (захват) лица не носит уголовно-процессуального характера, ибо имеет целью доставление лица в соответствующий орган власти для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Такие решения следователя как истребование от учреждений, предприятий, организаций и граждан предметов и документов, необходимых для установления фактических данных по делу, а также требование о производстве ревизии, хотя и связаны с собиранием доказательств, не являются следственными действиями. Они могут быть произведены до возбуждения уголовного дела и не составляют законченную процедуру собирания доказательств, ревизор же не обладает процессуальными правами и обязанностями. Напротив, принятие следователем истребованных им или представленных ему подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями, а также любыми гражданами, учреждениями, предприятиями и организациями предметов и документов образует следственное действие, хотя процедура его производства законом еще не регламентирована.

В работе показан ряд общих условий производства следственных действий, которые в УПК УзССР либо отсутствуют, либо содержатся в статьях, регламентирующих порядок проведения отдельных следственных действий. Так, запрещение в ходе допроса задавать наводящие вопросы предусмотрено в УПК УзССР лишь в отношении свидетеля и потерпевшего. Представляется необходимым такой запрет установить и в отношении подозреваемого и обвиняемого, ибо наводящий вопрос, независимо от того, кому он задается, содержит в себе желаемый ответ, и, таким образом, побуждает лицо отвечать с учетом мнения допрашивающего. Кроме того, постановка наводящих вопросов должна быть запрещена и

21

при производстве других следственных действий, связанных с получением показаний.

В диссертации выявлены неполнота и редакционные погрешности первоначальной редакции статей УПК УзССР, регулировавших предъявление для опознания. Вместе с тем аргументирована принятая 28 мая 1976 г. новая формулировка этих статей.

Автор приводит доводы в пользу признания проверки показаний на месте самостоятельным следственным действием, ибо никакое иное следственное действие не выполняет такую познавательную функцию, в которой сочеталось бы и получение показаний, и изучение фактической обстановки. Проверка показаний на месте расширяет возможности правильной оценки ранее данных лицом показаний. Так, в отдельных случаях следователь в ходе подготовки к данному следственному действию может выяснить, что к моменту его производства на месте произошли изменения, состояние и расположение предметов не соответствуют указанным в проверяемых показаниях. Следователь при этом может либо произвести реконструкцию на месте и восстановить состояние и расположение предметов согласно их описанию в проверяемых показаниях, либо оставить их в измененном виде с тем, чтобы в ходе проверки показаний на месте выяснить, знает ли о происшедших изменениях лицо, чье показание проверяется.

Основное содержание и отличительная черта рассматриваемого следственного действия, на наш взгляд, состоит в том, что ранее допрошенное лицо дает устную информацию и показывает (демонстрирует, изображает) конкретный микрорайон, помещение, находящиеся там предметы, обстановку или обстоятельства, связанные с данными им ранее показаниями. Одновременно лицо совершает действия, подтверждающие его показания, наблюдая за которыми, следователь извлекает информацию, как правило, более содержательную, чем сведения, полученные на допросе.

В УПК УзССР не получили должного отражения специфические особенности обыска и выемки, обуславливающие различный порядок их производства. Ст. 150 Кодекса не устанавливает четкой грани между выемкой и обыском: для их производства указывается единое основание — предположение о том, что в каком-либо месте или у какого-либо лица находятся предметы и документы, могущие иметь значение для дела. Целесообразно отразить в законе, что сущность обыска заключается в поисковых операциях, которые не характерны для выемки.

Принятие предметов и документов, представляемых обвиняемым, подозреваемым, потерпевшим, свидетелем и другими лицами, имеет большое сходство с выемкой. Но между ними существует ряд различий. Так, выемка производится следователем после вынесения им соответствующего постановления, а принятие пред-

метов и документов — без такого постановления. Принятие предметов и документов часто происходит по инициативе представившего их лица и является реализацией прав обвиняемого, подозреваемого, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их

представителей. Нередко следователь, располагая данными о нахождении у конкретного лица, в учреждении, предприятии, организации предметов и документов, имеющих значение по делу, не производит их выемку, а предъявляет требование об их представлении. Это оправданно, однако, лишь при определенных условиях: следователь должен быть твердо уверен, во-первых, что интересующие следствие предметы и документы будут представлены добровольно; во-вторых, что они не подвергнутся изменениям, порче и утрате, и, в-третьих, что место и состояние хранения предметов и документов не имеют для дела какого-либо значения. По-видимому, порядок и условия этих процедур необходимо отразить в УПК УзССР.

В диссертации отмечается, что хотя осмотр помещений и участков местности, находящихся в индивидуальном пользовании чаще всего производится в интересах лиц, проживающих в них или их занимающих, не исключена возможность нарушения права неприкосновенности жилища, личных и имущественных прав граждан. В таких случаях осмотр по своему характеру близок к обыску, а поэтому в целях обеспечения законности и пресечения фактов производства обыска под видом осмотра места происшествия целесообразно ст. 162 УПК УзССР дополнить требованием об обязанности получения письменного согласия лиц, занимающих осматриваемое помещение, жилой двор, приусадебный участок или иной участок местности, а в случаях их отсутствия или отказа — санкции прокурора.

Следственное освидетельствование часто эффективно сочетается с задержанием, осмотром одежды, предметов, получением образцов. Однако сочетание нескольких следственных действий не означает их слияния, стирания между ними различий. Каждое из последовательно выполняемых следственных действий надлежит производить в соответствии с процессуальными требованиями, предъявляемыми законом.

Выступая за ограничение задач освидетельствования, автор считает, что оно должно производиться для удостоверения особых примет, в том числе, татуировок, шрамов и т. п. Но когда речь идет об установлении причин анатомических и физиологических изменений, их характера, давности образования и степени тяжести, определения возраста, беременности, факта родов или аборта— необходимо производить экспертизу. Поэтому ст. 164 в новой редакции исключила судебно-медицинское освидетельствование из числа следственных действий.

Следственный эксперимент представляет собой производство каких-либо опытов, испытаний. Невозможность следственного эксперимента без опытных действий признают и те процессуалисты, которые сводят его сущность к воспроизведению обстановки и обстоятельств события. В диссертации аргументируется вывод о том, что воспроизведение обстановки и обстоятельств события представляет собой реконструкцию, выступающую на практике лишь как тактический прием производства следственного эксперимента, осмотра, проверки показаний на месте и предъявления для опознания.

В диссертации подчеркивается, что экспертизу характеризует не любая форма использования специальных познаний, а лишь связанная с исследованием обстоятельств, имеющих значение по делу. Практика идет по пути расширения случаев обязательного назначения экспертизы. Представляется, что в законе должна быть предусмотрена обязанность эксперта не применять без согласия следователя такие методы, которые связаны с уничтожением или порчей исследуемых объектов; указано на обязанность следователя ознакомить с материалами экспертизы потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей и других лиц, чьи интересы затрагивало производство экспертизы, разумеется, если они того пожелают.

Полагаем, закон должен содержать ряд общих и специальных условий применения криминалистических средств и методов.

К общим условиям относятся: научная обоснованность, безопасность и этичность применения научно-технических средств. По мнению диссертанта, в УПК следует включить и такое условие, как эффективность применения научно-технических средств, т. е. ускорение и расширение возможностей исследования и фиксации доказательств в сочетании с простотой и демонстративностью использования научно-технических средств, обеспечение адекватности фиксации хода и результатов следственного действия.

В УПК целесообразно отразить также специальные условия применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве: их использование лишь уполномоченными на то органами и должностными лицами в пределах компетенции; недопустимость ущемления при этом прав и законных интересов участников процесса; обеспечение сохранности доказательственной информации.

Отсутствие процессуальных норм, предусматривающих применение конкретных научно-технических средств, не означает недопустимости их использования. Задача состоит в том, чтобы их применение не противоречило принципам советского уголовного процесса, способствовало достижению истины по уголовному делу без ущемления прав и законных интересов граждан.

Девятая глава — «Гарантии прав и законных интересов граждан при приостановлении и окончании расследования» — завершает исследование проблем законодательного регулирования производства расследования. В ней подробно рассматриваются основания и порядок принятия упомянутых процессуальных решений, носящих организационный характер.

Автор полагает, что приостановление расследования по упомянутым в ст. 168 УПК УзССР основаниям должно рассматриваться как право следователя. При наличии одного из оснований следователь должен решить, следует ли приостанавливать предварительное следствие по истечении двухмесячного срока или продолжить расследование путем продления срока следствия для выполнения всех необходимых следственных действий, направленных на установление истины, выявление лица, совершившего преступление, и выяснение его местопребывания. Даже при длительном заболевании, лишаящем обвиняемого возможности участвовать в производстве расследования по делу, следователь вправе выполнять те действия, в которых участие обвиняемого не требуется. Производство следственных действий по приостановленным делам не ущемляет чьих-либо прав, а поэтому нет необходимости запрещать такие действия. Следует заметить, что УПК ряда союзных республик, как и УПК европейских социалистических стран, разрешают производство следственных действий по приостановленным делам.

Диссертант оспаривает предложение Н. И. Порубова о дополнении стационарной судебно-психиатрической экспертизой оснований для приостановления производства по делу.

Поскольку сроки дознания и предварительного следствия при необходимости продлеваются прокурором, то и приостановление производства расследования также должно им санкционироваться. Ст. 171 УПК УзССР, в отличие от соответствующих статей УПК других республик, требует санкции прокурора на приостановление следствия, но лишь в случаях, когда не установлено лицо, совершившее преступление. Очевидно, прокурор при даче согласия на приостановление дела мог бы проверить не только наличие основания, но и соблюдение условий приостановления расследования: произведены ли все следственные действия, выполнение которых возможно в отсутствие обвиняемого, приняты ли меры к установлению лица, совершившего преступление, и его местопребывания.

Прекращение производства по уголовному делу как одно из возможных заключительных решений следователя, исключающее дальнейшее расследование, может иметь место при наличии оснований, которые в зависимости от их характера делятся на материально-правовые и процессуальные. Такая классификация, ко-

нечю, не означает, что при прекращении производства по уголовно-правовым основаниям можно пренебрегать нормами УПК, определяющими процессуальный порядок прекращения уголовного дела. Поэтому необходимо, чтобы УПК устанавливал порядок прекращения производства по всем уголовно-правовым основаниям.

При прекращении производства по уголовно-правовым основаниям должны соблюдаться требования и уголовного, и уголовно-процессуального права. Ошибочно мнение о том, что при прекращении производства по уголовно-правовым основаниям следует учитывать только нормы процессуального закона (А. Я. Дубинский).

УПК УзССР не содержит нормы о порядке прекращения производства по делу, когда совершенное деяние вследствие изменения обстановки потеряло общественно опасный характер или лицо, совершившее его, перестало быть общественно опасным.

В то же время нет необходимости в сохранении порядка прекращения дела с передачей на поруки лица, совершившего деяние, содержащее признаки преступлений, при наличии оправдавшего себя уголовно-процессуального института отсрочки исполнения наказания, при котором реальность последствий негативного поведения такого лица очевидна.

Представляется обоснованным считать, что лицо, обвинявшееся по делу, имеет право как лично, так и с помощью защитника знакомиться с материалами прекращенного дела. Это право, записанное лишь в УПК КиргССР, желательно предусмотреть и в УПК УзССР. Таким правом целесообразно наделить также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей.

Для того чтобы наиболее полно реализовать право на реабилитацию, следовало бы вручать копию постановления о прекращении дела лицу, по поводу действий которого велось расследование, и предоставить ему определенный срок для обжалования вынесенного постановления с тем, чтобы последнее приводилось в исполнение лишь по истечению этого срока.

Следователь приходит к выводу о наличии оснований для составления обвинительного заключения в результате тщательного анализа материалов уголовного дела с точки зрения их полноты, обоснованности и законности. Такой вывод не означает, что производство предварительного следствия завершено, ибо предстоит еще ознакомить обвиняемого и других участников процесса с материалами дела, рассмотреть их ходатайства. Поэтому в литературе справедливо указывалось на более удачную формулировку ст. 200 и 201 УПК ТаджССР, согласно которой следователь объявляет обвиняемому не об окончании следствия, а о том, что

признает собранные доказательства достаточными для составления обвинительного заключения.

По мнению диссертанта, ч. 2 ст. 178 УПК УзССР, предусматривающая обязанность следователя знакомить гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей с материалами дела, относящимися к заявленному иску, а потерпевшего и его представителя — с материалами о преступлении, которым причинен моральный, физический и имущественный ущерб, без достаточных оснований ограничивает процессуальные права перечисленных участников процесса и противоречит ч. 2 ст. 24 Основ.

Ст. 183 УПК УзССР не предусматривает возможности изменения обвинения даже на менее тяжкое при составлении обвинительного заключения, а также при его утверждении. По законодательству РСФСР и других союзных республик, если необходимо изменить обвинение на менее тяжкое и существенно не отличающееся от первоначального обвинения, прокурор может либо вынести постановление об утверждении обвинительного заключения о внесении изменений в обвинение, либо составить новое обвинительное заключение, изъяв из дела обвинительное заключение, составленное следователем. Прокурор вправе выбрать один из этих вариантов, исходя из характера и объема вносимых в обвинительное заключение изменений. Ст. 190 УПК УзССР предусматривает лишь составление нового обвинительного заключения при несогласии прокурора с обвинительным заключением следователя, что без необходимости осложняет решение данного вопроса на практике.

Нельзя признать правильным вручение обвиняемому обвинительного заключения судом, поскольку оно исходит не от суда. Представляется, что обвинительное заключение как обвиняемому, так и потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям должно вручаться прокурором после его утверждения.

Диссертация содержит анализ других проблем совершенствования законодательства УзССР о производстве расследования и конкретные предложения на этот счет.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ АВТОРОМ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

Книги и брошюры:

1. Развитие законодательства о расследовании преступлений.— Ташкент, изд. Узбекистан, 1974, 109 с, 6 п. л. Рец.: Саркисянц Г. П. научные труды ТашГУ, серия — правоведение, вып. № 479, часть 2. Ташкент, изд. ТашГУ, 1975, с. 113— 116; Стерник И., Либус И.— Общественные науки в Узбекистане, 1974, № 12, с. 63—64.

2. Проблемы совершенствования предварительного расследования.— Ташкент, изд. Фан АН УзССР, 1975, 148 с, 9 п. л. Рец.: Стрёмовский В. А., Саркисянц Г. П.— Общественные науки в Узбекистане, 1975, №10, с. 54—56.

3. Уголовно-процессуальное право Узбекистана в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства и победы социализма (1933— 1937 гг.).— В кн.: История советского государства и права Узбекистана, том 2, (1924—1937 гг.).—Ташкент, изд. АН УзССР, 1963, с. 776—800, 1,5 п. л.

4. Уголовно-процессуальное право Узбекистана в период упрочения социалистического общества (1937—июнь 1941 г.). — В кн.: История советского государства и права Узбекистана, том 3 (1937-1958 гг.).--Ташкент, изд. Фан АН УзССР, 1968, с. 167—185, 1,5 п. л.

5. Уголовно-процессуальное право Узбекистана в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). — В кн.: История советского государства и права Узбекистана, том 3 (1937—1958 гг.) — Ташкент, изд. Фан АН УзССР, 1968, с. 311—323, 0,8 п. л.

6. Уголовно-процессуальное право Узбекистана в послевоенный период восстановления и развития народного хозяйства (1946—1953 г.) — В кн.: История советского государства и права Узбекистана, том 3 (1937—1958 гг.). — Ташкент, изд. Фан АН УзССР, 1968, с. 467—475, 0,6 п. л.

7. Уголовно-процессуальное право Узбекистана в период полной и окончательной победы социализма (1953—1958 гг.). — В кн.: История советского государства и права Узбекистана, том 3 (1937—1958 гг.). — Ташкент, изд. Фан АН УзССР, 1968, с. 639-649, 0,7 п. л.

8. Дальнейшее укрепление социалистического правопорядка (на узбекском языке). — В кн.: Советское общенародное государство.— Ташкент, изд. Фан АН УзССР, 1963, с. 112—138, 1,7 п. л.

9. Особенности уголовно-процессуального кодекса и некоторые вопросы его совершенствования.— В кн.: Советское право Узбекистана в период развернутого строительства коммунизма.— Ташкент, изд. Фан АН УзССР, Ташкент, 1964, с. 118—144, 1,8 п. л.

10. Социалистическая законность, правопорядок и применение советского права (на русском и узбекском языках). — В кн.: Основы советского строительства и права. — Ташкент, изд. Узбекистан, 1966, с. 88—108, 1,1 п. л.

11. В. И. Ленин об искоренении преступности.— В кн.: Ленинское учение о социалистическом государстве и праве (на узбекском языке).— Ташкент, изд. Фан АН УзССР, 1970, с. 207—233, 1,8 п. л.

12. На страже интересов народа (на узбекском языке). — Ташкент, изд. Общества «Знание» УзССР, 1963, 44 с, 2,3 п. л.

13. Регламентация следственных действий в УПК союзных республик. — Ташкент, изд. ТВШ МВД СССР, 1978, 60 с, 2,5 п. л.

Научные статьи:

14. Значение и особенности экспертиз хлопка и хлопковых посевов. — В сб.: Вопросы судебной экспертизы. Материалы научной конференции 26.06.1960 — 02.07.1960. — Л., изд. ЛГУ, 1960, с. 94—95, 0,2 п. л.

15. Вопросы назначения и производства агротехнических и товароведческих экспертиз при расследовании преступлений в области хлопководства. — В сб.: Сборник научных трудов ТашНИИСЭ, вып. III. — Ташкент, изд. ТашНИИСЭ, 1960, с. 78—93, 1,4 п. л.

16. Из истории развития криминалистических знаний в Узбекистане (1917—1927 гг.). — Общественные науки в Узбекистане, 1962, № 2, с. 54—57, 0,4 п. л.

17. Насущные вопросы совершенствования законодательства Узбекской ССР. — Общественные науки в Узбекистане, 1966, № 7, с. 23—27, 0,5 п. л.

18. Укрепление социалистической законности и процесс замены уголовного наказания общественным воздействием. — В кн.: Укрепление социалистической законности и усиление охраны прав граждан. — Ташкент, изд. Фан УзССР, 1966, с. 8—21, 0,8 п. л.

19. Укрепление социалистической законности и общественность (на русском и узбекском языках). — Коммунист Узбекистана, 1966, № 9, с. 31—39, 0,7 п. л.

20. О процессуальных формах и последствиях изменения обвинения судом первой инстанции (в соавторстве). — В сб.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 10. — М., Юрид. лит., 1969, с. 40—46, 0,4 п. л.

21. Некоторые вопросы совершенствования законодательства Узбекской ССР о производстве расследования. — В кн.: Вопросы совершенствования законодательства Узбекской ССР. — Ташкент, изд. Фан АН УзССР, 1970, с. 204—222, 1,2 п. л.

22. Совершенствование норм о понятием, переводчике и специалисте. — Труды Ташкентской высшей школы МВД СССР, вып. № 3. — Ташкент, изд. ТВШ МВД СССР, 1971, с. 53—59, 0,4 п. л.

23. К совершенствованию правовых норм о приостановлении следствия. — Общественные науки в Узбекистане, 1973, № 9, с. 21—29, 0,7 п. л.

24. Уголовно-процессуальные основы применения научно-технических средств и методов. — Сборник научных трудов ТашНИИСЭ, вып. X. — Ташкент, изд. ТашНИИСЭ, 1974, с. 36—44, 0,6 п. л.

25. Уголовно-процессуальные нормы об очной ставке и их совершенствование. — Научные труды ТашГУ, серия — правоведение, вып. № 479, часть 2. — Ташкент, изд. ТашГУ, 1975, с. 105—112, 0,4 п. л.

26. Развитие законодательства Узбекской ССР о предварительном расследовании и проблемы его совершенствования. — В сб.: 50-летие Узбекской ССР и развитие органов внутренних дел. Труды ТВШ МВД СССР, вып. 7. — Ташкент, изд. ТВШ МВД СССР, 1975, с. 98—104, 0,4 п. л.

27. Использование научно-технических средств и помощи специалистов при расследовании (процессуальный аспект). — В кн.: Использование специальных познаний при расследовании преступлений. Труды ТВШ МВД СССР, вып. 9. — Ташкент, изд. ТВШ МВД СССР, 1976, с. 3—16, 0,8 п. л.

28. Проблемы совершенствования законодательства о расследовании. — В кн.: XXV съезда КПСС и задачи органов внутренних дел. — Ташкент, изд. ТВШ МВД СССР, 1977, с. 35—39, 0,3 п. л.

29. Следственные действия и общие условия их производства. — В кн.: Вопросы криминалистической тактики. — Ташкент, изд. ТВШ МВД СССР, 1978, с. 3—18, 1,0 п. л.

30. Система уголовно-процессуальных норм о расследовании преступлений. — В кн.: Процессуальные и криминалистические проблемы предварительного следствия. Труды ТВШ МВД СССР. — Ташкент, изд. ТВШ МВД СССР, 1980, с. 3—20, 1,2 п. л.

31. Проблемы расследования групповых преступлений. — В сб.: Актуальные проблемы усиления борьбы с преступностью в свете решений XXVI съезда КПСС. Тезисы докладов научно-практической конференции (Иркутск, 19 июня 1981 г.). — Иркутск, изд. Иркутского ГУ, 1981, с. 70—71, 0,1 п. л.

32. Совершенствование законодательства о производстве расследования — важное условие его эффективности. — В сб.: Совершенствование законодательства о борьбе с преступностью. — Ташкент, изд. Фан АН УзССР, 1982, с. 150—160, 0,7 п. л.

33. Усиление гарантий прав и законных интересов граждан при производстве следственных действий. — В сб.: Актуальные проблемы производства следственных действий. Труды ТВШ МВД СССР. — Ташкент, изд. ТВШ МВД СССР, 1982, с. 37—55, 0,6 п. л.

34. Статьи по уголовному процессу: вина; предъявление обвинения; явка с повинной; обвиняемый; обвинение; обвинительное заключение; презумпция невиновности; выемка; свидетель; доказательств; раскрытие преступления; лжесвидетель; поручительство; процессуальные гарантии; процессуальные сроки; процессуальное право; судебные расходы; дознание; допрос; следствие; следственные комиссии; следственный эксперимент; обыск; неприкосновенность личности; экспертиза; очная ставка (на узбекском языке). — В кн.: Узбекская советская энциклопедия. — Ташкент, изд. УзСЭ, т. т. 1—13, 1971—1979, 2,0 п. л.

Рецензии:

35. На учебник: Чельцов М. А. Советский уголовный процесс, 4-е изд. М., Юрид. лит., 1962, 503 с. — Общественные науки в Узбекистане, 1963, № 6, с. 60—61, 0,2 п. л. (в соавторстве).

36. На монографию: Гальперин И. М., Лукашевич В. З. Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву, М., Юрид. лит., 1965, 150 с. — Советская юстиция, 1965, № 23, с. 21—22, 0,2 п. л. (в соавторстве)

37. На монографию: Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе, 1965, М., Юрид. лит., 368 с. — Социалистическая законность, 1966, № 1, с. 93—94, 0,2 п. л. (в соавторстве).

38. На монографию: Пинхасов Б. И. Подлог документов. Ташкент, 1969, 215 с. — В Сборнике научных трудов ТашНИИСЭ, вып. 8: — Ташкент, изд. ТашНИИСЭ, 1969, с. 243—248, 0,3 п. л. (в соавторстве).

39. На монографию: Ахмедов Г. А. Компетенция союзной республики в области уголовного законодательства. — Ташкент, изд. Фан АН УзССР, 1972, 206 с. — Общественные науки в Узбекистане, 1973, № 5, с. 50—51, 0,2 п. л. (в соавторстве).

40. На монографию: Саркисянц Г. П. Переводчик в советском уголовном процессе. — Ташкент, изд. Фан АН УзССР, 1974, 90 с. — Общественные науки в Узбекистане, 1974, № 6, с. 59—60, 0,2 п. л. (в соавторстве).

41. На монографию: Строгович М. С, Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., Наука, 1979, 320 с. — В кн.: Процессуальные и криминалистические проблемы предварительного следствия. Труды ТВШ МВД СССР, — Ташкент, изд. ТВШ МВД СССР, 1980, с. 150—157, 0,5 п. л.

42. На монографию: Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. — М., Юрид. лит., 1981, 128 с. — В кн.: Актуальные проблемы производства следственных действий. Труды ТВШ МВД СССР. — Ташкент, изд. ТВШ МВД СССР, 1982, с. 145—149, 0,3 п. л.

43. На монографию: Баев О. Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. - Воронеж, изд. Воронежского гос. ун-та, 1977, 115 с-В кн.: Уголовно-правовые и процессуальные гарантии защиты конституционных прав граждан. — Калинин, изд. Калининского гос. ун-та, 1982, с. 169—171, О 2 п. л. (в соавторстве).

44. На монографию: Баев О. Я. Конфликты в деятельности следователя. — Воронеж, изд. Воронежского гос. ун-та, 1981, 160 с-В кн.: Оптимизация расследования преступлений. Сборник научных трудов. - Иркутск, изд. Иркутского ун-та, 1982, с. 150—152, 0,3 п. л. (в соавторстве).

[1] См.: Материалы Пленума ЦК КПСС 22 ноября 1982 г. — М, 1982, с. 9.

[2] Далее этот нормативный акт называется сокращенно «Основами».

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

[4] Социалистическая законность, 1966, № 3, с. 2.

[5] Правда, 1970, 1 сентября.

[6] Правда, 1979, 11 сентября.

[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 152.